

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П.
АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра
современного русского языка и методики его преподавания

Фан Фан

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Топографические реалии в творчестве Сюй Чжимо

Направление подготовки: 45.03.02 Лингвистика

направленность (профиль) образовательной программы

Перевод и переводоведение (русский язык как иностранный)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой
кандидат филол. наук, доцент
Бебриш Н.Н.

31.05.2019 _____
(дата, подпись)

Руководитель
канд. филол. наук, доцент
Полужктова. Т. А.

31.05.2019 _____
(дата, подпись)

Дата защиты 20.06.2019 _____

Обучающийся: Фан Фан
31.05.2019 Фан Фан
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск 2019

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. К определению понятия «топографические реалии» и их своеобразии в творчестве Сюй Чжимо.....	5
1.1 «Топографические реалии»: к определению понятия.....	5
1.2 Топографические реалии и их своеобразии в творчестве Сюй Чжимо.....	7
Глава 2. Своеобразие топографического хронотопа в произведениях Сюй Чжимо.....	11
2.1 Сюй Чжимо и Япония.....	11
2.2 Сюй Чжимо и Сибирь.....	13
2.3 Сюй Чжимо и Великобритания.....	19
Заключение.....	24
Библиографический список.....	26
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	31

Введение

徐志摩 Сюй Чжимо (имя при рождении Сюй Чжансюй) (15.01.1897 — 19.11.1931, Тайань) – значимая фигура в китайской культуре: поэт-романтик, прозаик, эссеист, драматург. Сыграл особую роль в истории национальной поэзии. Не случайно его называли «китайским Байроном»¹. Известный русский синолог и переводчик Л.Е. Черкасский² называет его поэтом «яркого дарования» [Дождливая аллея, с. 86]. Тем не менее, в России его творчество пока остается малоизвестным и малоизученным. В китайском литературоведении изучением творчества Сюй Чжимо занимаются такие исследователи, как 周以量 Чжоу Илян, 吴蓉斌 Ву Ронгбин, 沈从文 Шэнь Конгвен, 王伟 Ван Вей, 茅盾 Мао Дунь и др.

Особое место в поэтическом мире Сюй Чжимо занимает тема странствия, путешествия по чужим дальним странам и связанный с этим мотив тоски по родному дому. Знакомство и длительное пребывание в других странах с иными культурами повлияло на его мировоззрение, что не могло не отразиться на особенностях поэтического сознания, поэтической картины мира: ему удается сочетать художественные достижения китайской классической культуры и литературы с модернистскими направлениями Запада: «Поэзия Сюй Чжимо обладает чертами китайской и западной философии, сочетает в себе суть китайской классической поэзии, а также поэзии народных песен» [Тао Доу].

В этом контексте нельзя не вспомнить идею «диалога культур» М.М. Бахтина: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает

¹ Xiao Jiang, 1995. Analysis of typical poetry of Xu Zhimo // Journal of Shandong University, pp. 88–91. (in Chinese)

² Черкасский Леонид Евсеевич (1925-2003) – выдающийся российский синолог. Наиболее известные его работы по китайской литературе : Дождливая аллея. Сб. стихов. Китайская лирика 20–30-х годов / Пер. Л. Е. Черкасского. М., 1969. В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. Пер. с кит. / Сост., вступ. Ст., заметки об авторах и примеч. Л. Черкасского. М., 1968.

себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур ... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин, 11].

Много путешествуя, Сюй Чжимо уделяет особое внимание топографическим реалиям, названия которых, как правило, вынесено в заглавие произведения. Являясь носителем китайской культуры, поэт, оказавшись на территории Другой, Иной культуры, не противится ее принятию, пытается понять через местный колорит, местные топографические реалии.

Актуальность исследования. Изучение специфики топографических реалий в художественном произведении является одной из актуальных задач современного литературоведения, ввиду того, что данная категория выступает важнейшим компонентом анализа текста. Своеобразие топографических реалий в поэзии китайского поэта Сюй Чжимо не становилось предметом литературоведческого анализа, как российского, так и китайского. Это исследование призвано восполнить существующий пробел.

Цель исследования: выявить роль, значение, своеобразие и функции топографических реалий в поэзии Сюй Чжимо.

Задачи:

- 1) дать определение понятию «топографические реалии»;
- 2) выявить роль топографических реалий в организации художественно-публицистических текстов Сюй Чжимо;
- 3) определить художественное своеобразие топографических реалий в творчестве Сюй Чжимо;

4) охарактеризовать топонимический подтекст в произведениях Сюй Чжимо.

Объектом исследования являются топографические реалии в творчестве Сюй Чжимо.

Предмет исследования – функции топонимов в создании поэтической картины Сюй Чжимо.

Материалом исследования являются произведения Сюй Чжимо: стихотворение «Простился с Японией» (1924), эссе «Сибирь» (1925), стихотворение «Сибирь» (1925) и «Тростниковая песня» (вспоминая Сиху на сибирском пути)» (1925), а также «Прощание с Кембриджским мостом» (1928).

В работе использованы материалы оригинальных и переведенных на русский язык стихотворений Сюй Чжимо.

Методы исследования: биографический, культурно-исторический, историко-литературный, а также метод литературоведческого анализа.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 50 источников, и приложения.

Глава 1. К определению понятия «топографические реалии» и их своеобразии в поэтической картине мира Сюй Чжимо.

1.1 «Топографические реалии»: к определению понятия

Вопрос об особенностях художественного пространства рассматривался в трудах Г.Э. Лессинга и Г.Ф. Гегеля, А.А. Потебни, М.М. Бахтина, В.Б. Шкловского, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Д.С. Лихачева и И.Б. Роднянской, А.Б. Есина и др.

Каждому художественному произведению присуща категория «пространства».

По словам А.Б. Есина, реальное, или конкретное пространство «...не просто «привязывает» изображенный мир к тем или иным топографическим реалиям (вообще топонимы не мешают пространству быть всеобщим: Дания в «Гамлете» — это весь мир), но активно влияет на суть изображаемого. Например, грибоедовская Москва — художественный образ. В «Горе от ума» постоянно говорят о Москве и ее топографических реалиях (Кузнецкий мост, Английский клуб и пр.), и эти реалии — своего рода метонимии определенного уклада жизни. В комедии рисуется психологический портрет именно московского дворянства: Фамусов, Хлестова, Репетилов возможны только в Москве («На всех московских есть особый отпечаток»), но не, скажем, в европеизированном, деловом Петербурге» [Есин с. 65].

Топонимы — «собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.)» (Ожегов) — являются носителями информации о конкретном пространстве.

Топонимика (от греч. место и имя, название) — наука, изучающая географические названия населенных пунктов, улиц, площадей, озёр,

рек, гор и др., а также их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение.

Наука «топонимика» изучается рядом смежных дисциплин, таких, как: литературоведение, лингвистика, лингвокультурология и др.

Включение в художественный текст топонимов – распространенный прием создания образа пространства. Благодаря топонимам, в художественном произведении актуализируется категория исторического времени и событийности.

Так, например, в русской и зарубежной литературах немало примеров, когда топографические реалии становятся едва ли не главными героями: Собор Парижской Богоматери В. Гюго, Дублин Дж. Джойса, Санкт-Петербург Ф.М. Достоевского, Москва М. Булгакова, Венеция и Ленинград в поэзии И.А. Бродского и мн. др.

Существует ряд классификаций топонимов. В данной работе мы будем опираться на классификацию, разработанную Ю. В. Доманским. Согласно исследователю, существуют реально-географические, вымышленные и зашифрованные топонимы [Доманский, 1999].

Топонимы, введенные в художественное произведение, создают «своего рода контурную карту, на которую накладывается действие» [Рогалев, 11]. Функции топонимов в художественном произведении могут быть различными, например: 1) конкретизируют географическое место описываемого события; 2) характеризуют лирического героя (если речь идет о поэзии), способствуют раскрытию характера; 3) может обладать совокупностью культурно-исторических знаний, создающих пространственный континуум.

Нас будет интересовать такое описательное свойство этой категории, как пространственная топография, которая может быть как условной, абстрактной, так и конкретной. Приметой конкретного,

реально-географического пространства являются географические названия, указатели, существующие в реальном мире; оно «привязано» к топографическим реалиям.

Топонимы, включенные в текст тем или иным писателем, индивидуальны и зависят от нескольких факторов: исторического и жизненного опыта, жанра произведения и др.

Определение в тексте конкретного, географического пространства дает возможность лучшего понимания особенностей не только текстового пространства, но и во многом поэтической картины мира писателя. Также они репрезентируют пространство, расширяя его границы, отражают особенности местного колорита.

1.2 Топографические реалии и их своеобразие в поэтической картине мира Сюй Чжимо

Сюй Чжимо органично сочетал в своем творчестве две культуры – китайскую и европейскую. Находясь за пределами родины, поэт чутко реагирует на Другие реалии, получающие в дальнейшем художественное воплощение. В этом случае, анализируя поэзию Сюй Чжимо с точки зрения пространственных реалий, мы можем говорить о существовании в его творчестве такой категории, как геопоэтическое пространство.

Сюй Чжимо использует в своей поэзии преимущественно реально-географический вид топонимов, обозначающих конкретное пространство. Географическое пространство художественного текста Сюй Чжимо выражено в заголовках, подчас – в подзаголовках (тем самым уточняя координаты объективного пространства, изображенного в тексте).

Топографические реалии в поэзии Сюй Чжимо подчеркнута автобиографичны. Это те места, где поэт бывал в различные периоды своей жизни.

Получив классическое домашнее образование в Китае, в 1918 году Сюй Чжимо отправился Америку с целью расширить свои знания. Позже он учился на экономическом факультете в Колумбийском университете, затем изучал английскую культуру, учась в Кембриджском университете, где он и начал пробовать свои силы в поэзии. Жизнь в Британии его вдохновляла и пленила, но тоска по родине оказалась превыше всего.

В августе 1922 года Сюй Чжимо покидает Европу и уезжает домой. Его путь пролегал через Сингапур, Гонконг и Японию. Так, 15 октября Сюй Чжимо прибыл в Шанхай. Но на этом география его путешествий не закончилась: в 1925 году поэт «во время поездки в Европу посетил Советский Союз, Германию, Италию, Францию и другие страны» [Черкасский, 1969, с. 100-102].

Находясь за границей, поэт, как правило, ощущает двойные чувства: с одной стороны, он тоскует по дому, а с другой – сожалеет о предстоящем расставании с той страной, где он находится в данный момент. Отсюда такие устойчивые мотивы в его поэзии, как мотив странствия и мотив тоски по родному дому. Лирическому герою придает уверенность знание того, что его ждут дома. Ведь не случайно память о доме является залогом цельности личности и внутренней духовной опоры.

Описание конкретных топографических реалий Сюй Чжимо всегда сопровождается описанием пейзажа. Под пейзажем мы опираемся на два определения: 1) Н.Д. Тамарченко: «Пейзаж – разновидность описания, цельное изображение незамкнутого фрагмента природного или городского пространства» [Тамарченко, с. 160]; 2) «Пейзажем называется изображение живой и неживой природы» [Есин, с. 80].

Важную роль в структуре пейзажа выполняет точка зрения субъекта видения. В поэзии Сюй Чжимо точка зрения всегда индивидуализирована и связана с четкой субъектно-объектной границей. Пейзаж у Сюй Чжимо подчеркивает определенное душевное состояние лирического героя, а подчас указывает на ту или иную особенность его характера, личности. Картины природы, как правило, созвучны, нежели контрастны по отношению к внутреннему состоянию.

Яркой особенностью топики реального пространства в поэзии Сюй Чжимо является использование приема олицетворения, «очеловечение явлений природы, приписывающее внешнему миру настроения и переживания рассказчика» [Жирмунский, с. 81]. Природа выступает у поэта живым существом, которое сопутствует и взаимодействует с лирическим героем.

В большинстве случаев пейзаж у Сюй Чжимо имеет ярко выраженный символический подтекст. Устойчивыми образами-символами выступают наименования природного мира, такие, например, как роза, ива, тростник, цветы сливы, цветы каштана, сосна, тополь, бамбук и др. Приведем несколько примеров:

《秋雨在一流清冷的秋水边, / 一棵憔悴的秋柳里, / 一条怯懦的秋枝上, / 一片将黄未黄的秋叶上. Осенний дождь льет в пруд, / На изможденные осенние ивы, / На жалкие осенние ветки, / На желтеющие листья.》(《私语》, 1922).

那河畔的金柳, 是夕阳中的新娘. Ива золотая под заходящим солнцем, / Она, новобрачная, стоит на берегу. (《再别康桥》, 1928).

这些色香两绝的玫瑰的种时在八十老人跟前, / 好比艳眼的少艾, 独倚在虬松古柏的中间. Душистые и яркие розы перед восьмидесятилетним

стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен. («沙士顿重游随笔», 1922).

一阵阵残琴碎箫鼓, 依稀山风催瀑弄青松. Зелеными соснами шуршит горный ветер, как флейты и барабаны. («清风吹断春朝梦», 1922).

那白杨, 婀娜的多姿, 最是那树皮 / 白如霜, 依稀林中仙女们的轻衣. Тополь нежный и грациозный, / Его белая инейная кора как феи кисея. («西伯利亚», 1925).

*透露内里的青篁, 又为我洗净 / 障眼的盲翳, 重见宇宙间的欢欣. Бамбуковая чаща мне опять смыла пелену с глаз своей прозрачной зеленью, / и я снова увидел радость в мире*³. («客中», 1925).

Пейзаж в поэзии Сюй Чжимо служит созданию эмоционального фона, углубляя при этом его идейное и смысловое содержание. Для поэта важно показать гармоничность природы, ее первозданную и благодатную красоту и очарование.

Так, например, в Китае цветущая слива символизирует стойкость, так как период ее цветения выпадает на тот момент, когда снег еще не сошел; ива – символ разлуки; сосна, по словам Чжоу Жуймина «стойкий и непоколебимый» [Чжоу, с. 90]; бамбук крепкий, но пустотелый, и в китайской классической поэзии бамбук подобен человеку с широкой душой, но принципиальным [Хуан 2010, с. 804].

Таким образом, символический подтекст пейзажа в поэзии Сюй Чжимо «раскрывает соотношение мира людей с более высоким уровнем мироздания» [Тамарченко, с. 161].

Так, например, в эссе «Сибирь» – жанре художественной публицистики – Сюй Чжимо использует пейзаж как часть национальной и социальной действительности (более подробно об этом см. ниже). Это

³ Здесь переводы Чжан Сяоцинь, 2017.

позволяет ему создавать более полное и объемное воспроизведение действительности.

Находясь за пределами родины, человек, как правило, более чутко осознает свое место в мире.

Глава 2 Топографические реалии в творчестве Сюй Чжимо

2.1 Сюй Чжимо и Япония

Одной из стран, по которой путешествовал Сюй Чжимо, была Япония. Несмотря на то, что его путешествия (а их было три) по этой стране были кратковременными, поэт по возвращении отозвался на увиденное в другой стране стихотворением «留別日本» «Простился с Японией» (1924).

1920-е годы – период сложных отношений между Китаем и Японией. Имеются в виду события китайско-японской войны, когда в 1894 году Япония вторглась в Китай и Северную Корею. В это время династия Цин представляла собой политическую коррупцию, людей, живущих в бедственном положении, воинствующие фракции, интриги, оборонные военные силы и слабую дисциплину; крупные капиталистические страны мира постепенно переходили к империализму, а агрессивные действия Японии в определенной степени поддерживались западными державами. В 1923 году в Японии произошло Великое землетрясение Канто, практически полностью разрушившее Токио и Йокогаму и унесшее жизни более 140 000 человек. В то время Китай был очень отсталым государством, и правительство Китая решило помочь Японии. Призывая людей забыть о предвоенных войнах, больше не бойкотировать японские товары, чтобы облегчить бремя японского народа, способствующее восстановлению.

В этом стихотворении Сюй Чжимо нет ни малейшего намека на враждебность, ненависть по отношению к Японии, которую поэт восхваляет и призывает к братству между странами:

我不敢不祈祷古家邦的重光，但同时我愿望—愿东方的朝霞永葆扶桑的优美，优美的扶桑！ / *«Я боялся не молиться о тяжком свете древнего государства, но в то же время я желал — / Пусть восточная заря навеки сохранит красоту фусана!»⁴.*

扶桑 Фусан в китайской мифологии — огромное шелковичное древо жизни, на котором жили десять солнц — золотых воронов, на нижних ветвях — девять, на верхних — яшмовый петух, возвещающий о рассвете. Это дерево символизирует мировое древо, верхушка которого доходит до небес. Сюй Чжимо надеется на возрождение былого величия своей страны.

Сюй Чжимо стал свидетелем того, как японцы пытались восстановить свои дома после землетрясения, отмечая упорство, трудолюбие и прилежание японского народа в общем деле.

Несмотря на то, что стихотворение о Японии, Сюй Чжимо посвятил его родной стране — Китаю. Он вспоминал династию 盛唐 Шэн Тан, которая имеет различные определения в литературе и истории, является благословением династии Тан в последующих поколениях. Период существования династии Шэн Тан относится к 713 — 766гг. (около пятидесяти лет). Это была эпоха стремительного прогресса и культурного расцвета, это была эпоха, когда люди гордились династией «Тан».

Таким образом, композиционно стихотворение «Простился с Японией» можно разделить на две части: 1) привязанность поэта к династии Тан и 2) похвала японскому народу за его усилия по восстановлению домов после землетрясения.

⁴ Подстрочный перевод стихотворения Сюй Чжимо «Простился с Японией» - наш (Ф.).

2.2 Сюй Чжимо и Сибирь

В начале XX века Сюй Чжимо совершил поездку по Транссибирской магистрали.

Своеобразие топографического хронотопа Сибири нашло отражение как в прозе – эссе «Сибирь», так и в поэзии – стихотворения «Сибирь» (1925) и «Тростниковая песня» (вспоминая Сиху⁵ на сибирском пути) (1925) Сюй Чжимо.

Словно «подсматривая» за жизнью Сибири начала 20 века из окна поезда «Пекин – Маньчжурия – Сибирь – Москва», поэт указывает на конкретность топографических реалий.

Изначально, еще до знакомства с этой страной, Сибирь казалась поэту «你不是受上天恩情的地域»/ «пустыней ледяной, забытой Богом», ассоциировалась с холодом (荒凉, 严肃, 不可比况的冷酷 / «просторы твои, холодом оскалась, впивались в горизонт») и носила негативную коннотацию: «西伯利亚, 你象征的是恐怖, 荒虚» / «Сибирь, ты – страх, ты – ужас, ты – погибель».

В этих поэтических строках отразился один из самых распространенных стереотипов о Сибири. С точки зрения Другого (Сюй Чжимо), на территории Сибири всегда господствует зима, холод, снег и сильные метели.

Но Сюй Чжимо как поэту подвластно более чуткое восприятие другой страны. И далее, при непосредственном знакомстве с неведомой

⁵ Сиху́ (кит. упр. 西湖, пиньинь: Xī Hú, букв. «Западное озеро») - знаменитое пресноводное озеро в центре города субпровинциального значения Ханчжоу провинции Чжэцзян Китайской народной республики.

страной, в стихотворении он разрушает устойчивый стереотип, чему во многом способствует любимое время года поэта – весна.

Стихотворение и было написано поэтом весной, а именно – в марте, когда вся природа «пробуждается» после глубокого зимнего сна:

<p>但今天，我面对这异样的风光 不是荒原，这春夏间的西伯利亚， 再不见严冬时的坚冰，枯枝，寒鸦鸦； 在这乌拉尔东来的草田，茂旺，葱秀， 牛马乐园，几千里无际的绿洲， 更有那重叠的森林，赤松与白杨， 灌属的小丛林，手挽手的滋长； 那赤皮松，像巨万赭衣的战士， 森森的，悄悄的，等待冲锋的号示， 灌属的小丛林，手挽手的滋长； 那赤皮松，像巨万赭衣的战士， 森森的，悄悄的，等待冲锋的号示， 那白杨，婀娜的多姿，最是那树皮， 白如霜，依稀林中仙女们的轻衣；</p>	<p><i>Но что это теперь передо мною? Не запустенье, нет – весна в Сибири! Отринут иней! В изумрудном море рассеяны лучи, и только шире расходятся стада; цветут равнины на тысячу шагов; стремятся к солнцу колосья; тополя стоят, невинны; и кажется, трава вот-вот коснется моих подошв...</i></p>
--	--

Весна – любимое время года Сюй Чжимо. Он использует образ весны в традиционном его понимании и значении: как символ обновления природы и человеческой жизни, надежды на будущее.

Сюй Чжимо в последних строках упоминает такое дерево, как 杨 тополь. В Китае тополь считается деревом вод и символом двойственности – инь и янь: верхняя и нижняя стороны листьев различаются по цвету.

Стихотворение «Тростниковая песня» (вспоминая Сиху на сибирском пути)» (март 1925) дополняет образ неведомого края.

Это стихотворение поэт писал, когда вспоминал озеро Сиху, расположенное в окрестностях города Ханчжоу – яркий пример соединения природного с рукотворным. В 2011 г. озеро Сиху по достоинству вошло в реестр мирового культурного наследия.

В стихотворении можно отметить такие устойчивые образы, как: снег, поля, холода, замерзшая река.

Сюй Чжимо использует прием художественного параллелизма, сопоставляя явления природы – зимнего пейзажа – с внутренним состоянием лирического героя. Благодаря этому актуализируется мотив тоски по Родине, дому:

<p>这时候芦雪在明月下翻舞， 我暗地思量人生的奥妙， 我正想谱一折人生的新歌， 啊，那芦笛(碎了)再不成音 调！</p>	<p><i>На чужбине тоску не дано утаить: холода мне шепнут о печали былой — в новых нотах ушедшие скорбные дни поплывут над замерзшей рекой.</i></p>
---	--

Символом домашнего уюта для лирического героя является китайский тростник, считающийся источником живительной силы и олицетворяющий собой человека с негибаемой волей, он придает силу в трудных жизненных ситуациях.

Также Сюй Чжимо использует прием олицетворения, позволяющий ему наделять это растение человеческими свойствами и тем самым привнося красоту в стихотворение:

<p>这时候芦雪在明月下翻舞，</p>	<p><i>Я хочу, чтоб тростник пел о</i></p>
---------------------	---

<p>我暗地思量人生的奥妙， 我正想谱一折人生的新歌， 啊，那芦笛(碎了)再不成音 调！</p>	<p><i>счастье, о том, как смеются родные на юге, вдали — пусть же голос его полетит светлячком негасимым, домой полетит.</i></p>
--	--

Тростник для лирического героя – это особое средство внутренней связи с родными и близкими, дающее ему опору на чужбине.

В один момент тростник сломался, что, скорее всего, соответствует, внутреннему надлому, кризису в жизни лирического героя и, соответственно, самого поэта:

<p>这秋月是缤纷的碎玉， 芦田是仙家的别殿； 我弄一弄芦管的幽乐，—— 我映影在秋雪庵前。</p>	<p><i>В ясном свете луны пляшет призрачный снег, и за ним моя песня летит сквозь века. Я поведал бы в ней, кто таков человек, но тростник надломился в руках... ... Среди них мой тростник не поет с этих пор — его голос навеки затих.</i></p>
--	---

Но это не сгибает волю героя, и он всё равно находит в себе внутренние силы для дальнейшего творчества. С помощью приема художественного параллелизма Сюй Чжимо дает надежду на обновленный

этап в жизни героя: пробивающиеся сквозь тьму лучи символизируют творческое и духовное обновление:

<p>我捡起一枝肥圆的芦梗， 在这秋月下的芦田； 我试一试芦笛的新声， 在月下的秋雪庵前。</p>	<p><i>Неохотно лучи пробивались сквозь тьму, над снегами полей ускользала луна. Перед хижинкой скромной тростник подниму — и вдохну в него песни слова.</i></p>
---	---

Эссе «Сибирь» (1925) во многом перекликается с указанными выше стихотворениями. По своему характеру эссе близко к лирической зарисовке - жанр художественной литературы, характерными чертами которого являются изображение предметов, явлений, сопровождающихся чувствами и эмоциями автора, созданных при помощи средств образной выразительности.

Топографические реалии, которыми насыщено это эссе, указывают на конкретность происходящего, а записки, которые «сделаны в поезде на скорую руку», создают объемный образ не только Сибири, но и Забайкальского края: «берег Байкала и леса Урала», которые поэт никак не может забыть. В создании художественного образа Сибири большую роль играет эмоционально-оценочная лексика. Поэт наблюдает за местными нравами, находясь на читинском вокзале; зал ожидания в Иркутске напомнил ему о дантовских картинах из «Божественной комедии»: «В этой сумеречной атмосфере не было ни малейшего шанса опознать человека – люди вокруг смешались в сплошную черную массу. ... имей возможность Данте пережить то же, что и мы в тот вечер – его Ад был бы выполнен в несколько других тонах!» [Сюй Чжимо, Сибирь].

Окружающий холод под стать внешнему облику его обитателей – детям-попрошайкам на вокзале в Чите: «Язык не поворачивается назвать их озлобленными. Какое-то извечное несчастье, казалось, незримо сопровождает их, гложет их изнутри и не дает вести нормальной жизни – какая-то туманная тайна, мне недоступная и неведомая. Смотря на их лица, я невольно задаюсь вопросом – знаком ли здешний народ с тем, как улыбаться?».

Ключевым словом в этом отрывке является слово «тайна», тайна загадочной русской души, особенно сибиряка, которую трудно, а подчас и невозможно постигнуть иностранцу. Уместно привести высказывание русского классика Ф.М. Достоевского: *«Но чужая душа потемки, и русская душа потемки; для многих потемки»* [Достоевский, с. 190].

Сибирскому пейзажу здесь отводится особая роль. Он словно отражает и соответствует внутренней сути сибиряка. Конкретные и устойчивые приметы этого пространства окрашены живописными описаниями: *«огромная ледяная пустыня – белоснежная пустота без единого звука»*; *«Местный лес – сплошной, плотный, густой, строгий и величественный. Он сам напоминает мне некую таинственную и темную религию. Деревья здесь – все как одно нацелены вверх, строго в сердцевину небосвода. И неважно, будут ли это сахарные сосны, серебряные тополя или приземистые заросли кустарника. Тополей, все же, большинство – все они чинно выстроились в шеренгу под знаменами мороза; их нашивки и эмблемы лучезарно сияют в студеном воздухе»* и далее поэт делает вывод: *«Да, пожалуй, именно эти неуклонно вздымающиеся над широким заснеженным полотном леса есть символ Сибири. И шире – России»* [Сюй Чжимо, Сибирь].

Сибирская природа является контрастом по отношению к привычному поэту пейзажу: «нам, привыкшим влачить свои дни в сером

песке будничной рутины, все это было в новость». Прием контраста позволяет усилить особенный и неповторимый колорит заснеженного края.

Кристалльная, хрустально-надтреснутая атмосфера; протяжно синий небосвод; Конкретные и устойчивые приметы этого пространства окрашены живописными эпитетами: нескончаемый лес, стеклянно-чистый воздух, ледящий сибирский воздух,

Таким образом, топоним «Сибирь» наполнен в одноименном эссе и стихотворении Сюй Чжимо семантикой таинственного и неразгаданного, непознаваемого.

Топографические реалии Сибири способствуют отражению сильного и во многом непонятого для иностранца таинственного характера сибиряка. Необходимый эффект создается благодаря выразительным художественным средствам, таким, как эпитеты, сравнения, олицетворения и др.

2.3 Сюй Чжимо и Великобритания

В 1921 году Сюй Чжимо отправился в Лондонскую школу политической экономики им. Б. Рассела, где учился в течение шести месяцев, а после получал образование в Королевском колледже Кембриджского университета (октябрь 1920 – август 1922 гг.)

Находясь в Великобритании, Сюй Чжимо познакомился со многими выдающимися личностями того времени: с Томасом Гарди (1840-1928), Кэтрин Мэнсфилд (1888-1923).

Топографический объект Лондона поэтически воплотился, по мнению исследователей, в самом известном стихотворении Сюй Чжимо – «Прощание с Кембриджским мостом» («Прощание с Кембриджем»⁶) (6

ноября 1928).

Река Кэм, на которой стоит город Кэмбридж, протекает через самый центр города. Она нашла отклик в сердце поэта, пробуждал в его жизнь поэта. Позже он скажет: “我的眼是康桥教我睁的，我的求知欲是康桥给我拨动的，我的自我意识是康桥给我胚胎的 / «... Кембридж научил меня быть открытым, он развивал во мне любознательность, Кембридж во многом стал отправной точкой моего самосознания» [Сюй Чжимо. «Курение и культура»].

Находясь за границей, поэт познакомился с британским философом и профессором Кембриджского университета Бертраном Расселом (1872-1970), чьи идеи его очень увлекли.

Он любил прогуливаться по набережной реки у Кембриджа, его привлекал величественный и спокойный вид окрестностей.

Общая тональность стихотворения – атмосфера спокойствия и созерцательности. Этому соответствует и время суток – сумеречный закатный вечер.

В первом четверостишье говорится о таких же студентах, как и Сюй Чжимо, которые отучились и покидают свою альма-матер:

轻轻的我走了，
正如我轻轻的来；
我轻轻的招手，
作别西天的云彩

*Я неслышной поступью уйду,
Так же, как сюда пришел;
И рукой легонько помашу
Западному небу на прощанье.*

⁶ Перевод Дарьи Валеевой. Перевод занял второе место в Международном конкурсе переводчиков им. Линецкой в 2016 году.

Слова с мягкими шипящими (*неслышной, пришел, помашу... на прощанье*) передают боязнь поэта потревожить окружающую тишину родного учебного заведения; он словно на цыпочках сюда пришел и как ветер, неслышно, покидает эти места.

В строфах 2-4 поэт словно сливается с природой, составляя гармоничное единство.

Образ ивы довольно часто встречается в поэзии Сюй Чжимо: «Лю (ива) в китайской культуре связана с разлукой, весной и образом стройной женщины» (Хуан 2010: 802). Не случайно именно этот образ – символ разлуки – встречается в стихотворении:

*那河畔的金柳,
是夕阳中的新娘.*

*Золотая ива у реки,
Как в закатном свадебном наряде;
Среди тины яркие цветы
Глубину ласкают стебельками.*

В этих строках поэт использует прием олицетворения, наделяя иву приметам невесты.

Вода в реке становится прозрачной, в которой отражается «неба семицвет» - надежда поэта на мечту, на светлые изменения в жизни:

*那榆荫下的一潭,
不是清泉, 是天上虹;*

*Глубокий омут под ветвями вяза
Уж не вода, а неба семицвет.*

Вектор топонима Кембриджский мост направлен на характеристику душевного состояния лирического героя. Находясь один на один с Кембриджским мостом, он испытывает чувство тоски и одиночества:

但我不能放歌,

悄悄是别离的笙箫；

Но я пропеть ни звука не могу,

Ведь в тишине есть нота расставанья.

В этот момент он не может слагать строки, так как предчувствует в тишине близящееся расставание с местом, которое стало для него родным и близким.

Умиротворенное созерцание закатного пейзаж соответствует внутреннему спокойствию поэта, созерцательность мгновения передает ощущение грусти. И лирический герой покидает это место так же неслышно, как и пришел сюда:

悄悄的我走了,

正如我悄悄的来；

我挥一挥衣袖,

不带走一片云彩。

Бесшумно восвояси удалюсь,

Как до того сумел прийти.

Рукав мой вдруг мелькнет в ночи,

И здешних облаков я не возьму.

Стихотворение построено по принципу кольцевой композиции, с целью поэта подчеркнуть бесшумность своего появления и такого же удаления из мест, ставших для него родными.

Пребывание в Кембридже было для Сюй Чжимо самым счастливым временем в его жизни, он преисполнен благодарности этому месту.

Заключение

Биография китайского поэта-романтика, представителя т.н. «новой поэзии» – Сюй Чжимо – отразилась в его поэтическом и публицистическом творчестве.

Жизнь поэта была наполнена многочисленными и длительными путешествиями. Его знакомство с культурой, традициями и обычаями других стран воплотилось в наиболее ярких его произведениях – стихотворениях «Простился с Японией», «Сибирь», «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)», «Прощание с Кембриджем» и в эссе «Сибирь».

В названиях этих произведений присутствуют топонимы, выступающие пространственными ориентирами действия. Характер топонимов носит реально-исторический и реально-географический характер. Сюй Чжимо, описывая топографические реалии того или иного места, наделяет его сугубо индивидуальными характеристиками, что позволяет ему создавать художественный образ конкретной местности, страны.

Существенную роль в этом процессе играют выразительные художественные средства, такие, как эпитеты, сравнения, олицетворения, психологический параллелизм, иносказания. Эссе «Сибирь», близкое к жанру лирических зарисовок, создано за счет выразительных образных средств и эмоционально-оценочной лексики, подчеркивающей субъективность восприятия.

В стихотворениях Сюй Чжимо отсутствует рифма, за счет чего утверждается идеал простоты и духовной свободы. Что полностью соответствует натуре Сюй Чжимо как поэта-романтика.

Основной мотив этих произведений – тоска по родине (несмотря на то, что эти поездки не были вынужденными, а предпринимались Сюй

Чжимо самолично). Анализируемые произведения носят подчеркнуто автобиографичный характер.

Проанализировав лексику произведений Сюй Чжимо, мы выявили «целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся» [Зинченко, 2010, С. 38] в значении лексических единиц..., являющихся специфичными для мировидения Сюй Чжимо и китайского языка. Находясь вдалеке от дома, Сюй Чжимо передает свои настроения при помощи национально-культурных образов-символов (китайский тростник, цветы сливы, ива и др.).

Топографические реалии в анализируемых произведениях Сюй Чжимо слиты с пейзажем, отчего напоминают т.н. «пейзажные зарисовки». Взгляд поэта на природу соответствует созерцательности китайских поэтов и мыслителей, которая доступна лишь избранным.

С помощью топики реального Другого пространства поэт передает особенности местного колорита, невольно сравнивая его со Своим (домашним) пространством. Через топографию происходит постижение поэтом другой культуры, что способствует национальному поэтическому видению мира. Репрезентация пространства в анализируемых произведениях Сюй Чжимо происходит в основном через оппозицию «свое - чужое», позволяя лирическому герою еще более осознать свою самоидентичность.

Таким образом, в творчестве Сюй Чжимо реально-исторические и реально-географические реалии восходят до образно-символического значения.

Библиографический список

Художественная литература

1. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 8. Ленинград: Наука, 1973.
2. Сюй Чжимо «Сибирь»: эссе // Магазета. Режим доступа: https://magazeta.com/2018/08/translatexuzhimo/?utm_medium=push&utm_source=onesignal&utm_campaign=webpush&from=singlemessage&isappinstalled=0
3. Сюй Чжимо “Сибирь”: стихотворение // Магазета. Режим доступа: https://magazeta.com/2018/08/translatexuzhimo/?utm_medium=push&utm_source=onesignal&utm_campaign=webpush&from=singlemessage&isappinstalled=0
4. Сюй Чжимо “Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)»: стихотворение // Магазета. Режим доступа: https://magazeta.com/2018/08/translatexuzhimo/?utm_medium=push&utm_source=onesignal&utm_campaign=webpush&from=singlemessage&isappinstalled=0
5. 徐志摩. 《欧洲漫录》, 晨报副刊。1925 (4) (Сюй Чжимо. Поездка по Европе // Утро. 1925. № 4.)
6. Дождливая аллея: сб. стихов. Китайская лирика 20-30-х годов / пер. Л. Е. Черкасского. – М.: Наука, 1969. – 199 с.
7. Сюй Чжимо. Собрание сочинений 徐志摩. 徐志摩全集·第四卷 诗歌. – Тяньцзинь: Тяньцзин Жэньминь Чубаньшэ. 天津人民出版社, 2005. – Т. 4. – 436 с.
8. Сюй Чжимо. Поэтический журнал // 1926. № 1. 徐志摩: 《诗刊·弁言》 1926年4月1日《晨刊副刊·诗镌》第1号。

9. Сюй Чжимо. «Прощание с Кембриджским мостом». 徐志摩诗集, 第十一章 《在别康桥》. Режим доступа: <https://www.dududu.la/book/13/13929/1174912.html>

Научно-критическая и справочная литература

10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
11. Биан Шилин. “Поэзия Сюй Чжимо: перечитывая смысл”, “Люди и стихи // Сан Лэн. Книжный магазин, 1984. 卞之琳: 《徐志摩诗重读志感》, 见《人与诗·忆旧说新》, 三联书店 1984.
12. Ван Вей. «Обсуждая стихи Сюй Чжимо». <http://m.aisixiang.com/data/94022.html?from=singlemessage&isappinstalled=0> (Дата обращения: 5.03.2019)
13. Гринцер П.А. Восток – Запад // Теоретико-литературные итоги XX века / Редкол.: Ю.Б. бореев, Н.К. Гей и др. Т.2. Художественный текст и контекст культуры. М., 2003. С.397 – 410.
14. Доманский Ю. В. «Провинциальный текст» ленинградской рок-поэзии // Клюевский сб. / Отв. ред. Л. Г. Яцкевич / Вологод. пед. ун-т. Вып. 1. Вологда, 1999.
15. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, Наука, 2000.
16. Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916—1926. Л.: АCADEMIA, 1928. 358 с. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/zhirnumsky_voprosy_teorii_literatury_academia_1928_text.pdf
17. Зинченко В.Г. Методы изучения литературы. Системный подход: уч. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. М.: Флинта, 2002. 200 с.

18. Зинченко В.Г. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, Г.П. Рябов. М.: Флинта, 2010. 136 с.

19. Ли Чэнси. Сюй Чжимо и китайская поэтическая традиция. 李成希. 徐志摩与中国诗歌传统 // Журнал «Общественные науки» Шаньдуна. 山东社会科学. 1994. № 1. С. 78-80.

20. Лин Чжихао. История современной китайской литературы // Китайский Жэньминь Чубаньшэ 1985. 林志浩 “中国现代文学史”. 中国人民大学出版社出版 1985.

21. Люй Цинжань. Языковые средства в поэзии Сюй Чжимо. 刘景兰. 论徐志摩诗歌语言基质的构成 // Вестник Синтайского профессионального училища. 邢台职业技术学院学报. 2007. № 2. С. 44-47.

22. Лу Яо Донг. Китайские поэты 20-х годов китайские поэты // Издательство социальных наук Китая 1985. 陆耀东. “二十年代中国各流派诗人论”. 中国社会科学出版社出版 1985.

23. Лю Зе-Сюэ. Китайско-иностранная красивая проза Сюй Чжимо // Жэньминь Жибао Чубаньшэ, 2006. 刘泽学: 《中外精美散文·徐志摩作品集》 人民日报出版社 2006年版.

24. Мао Дун. Обсуждаем Сюй Чжимо. (Мао Дун о современных китайских писателях) // Пекинский университет Чубаньшэ 1980. 茅盾: 《徐志摩论》, 《茅盾论中国现代作家作品》 北京大学出版社 1980年.

25. “Обзор творчества Сюй Чжимо”. // Хунаь Вэни Чубаньшэ 1986. “徐志摩书信” 湖南文艺出版社 1986

26. “Подборка работ Сюй Чжимо” (выборка Сюй Цухуа) // Янцзы Чубаньшэ. 2003 (март). № 1. 《徐志摩作品精选》许祖华选编 长江出版社出版 2003年3月第一版。

27. «Поэзия Чжимо». // Цзянсу: Цзянсу Вэни Чубаньшэ 2009. 徐志摩, 《志摩的诗》江苏文艺出版社 2009. Режим доступа: <http://www.docin.com/p-1508181550.html>.
28. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Н.Д. Тмарченко (ред.). М.: Издательство Кулагиной INTRADA, 2008. -358 с.
29. Прозоров В.В. Введение литературоведение: уч. пос. / В.В. Прозоров, Е.Г. Елина. М., 2012. 224 с.
30. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
31. Рогалёв А.Ф. Ономастика художественных произведений. Гомель, 2003. С. 11.
32. 宋绍香. 切尔卡斯基的中国新诗翻译与研究及其压卷之作 — 《徐志摩: 在梦幻与现实中飞行》 / 绍香 宋 // 泰山学院学报. 2014. № 5. С. 49-54 页 . (Сун Шаосян. Переводы и исследования Черкасского новой китайской поэзии и его шедевр — «Сюй Чжимо: полёты во сне и наяву» / Сун Шаосян // Вестник Тайшаньского института. 2014. № 5. С. 49-54).
33. Сюй Чжимо. Курение и культура. 徐志摩 《吸烟与文化》 .
34. Тмарченко Н.Д. Пейзаж // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 160-161.
35. Тао Доу. Режим доступа: <https://www.taodocs.com/p-8196880.html> 淘豆网 . (Дата обращения: 3.03.2019).
36. Томахин Г.Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 84-90.
37. Торшин А.А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа: учеб. Пособие. М.: Флинта, 2006. 256 с.
38. Филимонова Е.Н. Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с

корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2003. - Вып. 25. С. 26-53.

39. Флоренский П.А. Время и пространство // Социол. исследования. 1988. № 1.

40. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М., 1999.

41. Ху Ши. Мемуары Сюй Чжимо // Антология современных китайских писателей. Народное литературное издательство, 1993. 胡适: 《追忆徐志摩》, 《中国现代作家选集》 人民文学出版社 1993年版.

42. Хуан Дунмэй. Символические значения деревьев в русской и китайской культуре. 黄冬梅. 俄汉文化中树木象征意义的对比分析 // Монография конференции Ассоциации зарубежной литературы Фуцзяни. 福建省外国语言文学学会 2010 年年会论文集. – 2010. – С. 802-810.

43. Ху Линг Чжи “Обозревая Сюй Чжимо” // Сюе Лин Чубаньшэ февраль 1989 № 1. 《徐志摩新评》胡凌芝 学林出版社出版 1989年2月第一版.

44. Черкасский Л.Е. Дождливая аллея. 1969

45. Чжао Фулянь. Сюй Чжимо. 赵福莲. 徐志摩 // Шэнь Бинчжун. Жители Хайнина, которые влияют на Китай. 沈炳忠. 影响中国的海宁人. – Хан чжоу: Чжэцзян Жэньминь Чубаньшэ. 浙江人民出版社, 2008. – С. 205-213.

46. Чжоу Жуймин. Когнитивная интерпретация образа природа в лирике (на примере «сосны»). 周瑞敏. 抒情诗中自然形象情感化的认知阐释—以松树形象为例 // Обучение иностранному языку. 外语学习. – 2012. – № 3. – С. 90-93.

47. Чжу Сян. Обсуждаем стихотворения Сюй Чжимо // Новеллы ежемесячные 1987. 朱湘 《评徐志摩的诗》 // 小说月报 1987.

48. Шэнь Конгвен. Обсуждая стихотворения Сюй Чжимо. 百度文库 . Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/72e510c54028915f804dc2e2.html> (Дата обращения: 3.03.2019)
49. Чжан Сяоцинъ. Поэтическая номинация растительного мира в лирике С. Есенина (на фоне поэтической номинации китайской поэзии начала XX века): ВКР. СПб., 2017. 151 с.
50. Поэзия Сюй Чжимо (徐志摩诗网). Режим доступа: <http://www.xzmsw.com/default.aspx>

ПРИЛОЖЕНИЕ А

留别日本
我惭愧我来自古文明的乡国，

Простился с Японией
Мне стыдно, что я из
страны древней

我惭愧我脉管中有古先民的遗血，
我惭愧扬子江的流波如今混浊，
我惭愧——我面对着富士山的清越！
古唐时的壮健常萦我的梦想：
那时洛邑的月色，那时长安的阳光；
那时蜀道的啼猿，那时巫峡的涛响；
更有那哀怨的琵琶，在深夜的浔阳！
但这千余年的痿痹，千余年的懵懂：
更无从辨认——当初华族的优美，从容！
摧残这生命的艺术，是何处来的狂风？——
缅怀那遍中原的白骨，我不能无恫！
我是一枚飘泊的黄叶，在旋风里飘泊，
回想所从来的巨干，如今枯秃；
我是一颗不幸的水滴，在泥潭里匍匐——
但这干涸了的润身，亦曾有水流活泼。
我欲化一阵春风，一阵吹嘘生命的春风，
催促那寂寞的大木，惊破他深长的迷梦；
我要一把倔强的铁锄，铲除淤塞与臃肿，
开放那伟大的潜流，又一度在宇宙间汹涌。
为此我羡慕这岛民依旧保持着往古的风尚，
在朴素的乡间想见古社会的雅驯，清洁，壮旷；
我不敢不祈祷古家邦的重光，但同时我愿望

цивилизации.
Мне стыдно, что у меня
в сосуде кровь древних
предков,
Мне стыдно, что река
Янцзы течет, и теперь
она грязная.
Мне стыдно, что я
столкнулся с тонким на
горе Фудзи!
Когда в династии Тан
был сильным, он
преследовал мои мечты:
Лунный свет Ло Йи,
солнце Чанг-Аня ;
В то время, когда Шу
роуд плакала обезьяны,
когда колеблется
ущелье ведьмы ;
Еще одна жалкая лютня,
в конце ночи!
Но больше чем тысяча
лет фистулы, больше
чем тысяча лет
запутанности :
Еще больше
неузнаваемо-когда
китайцы грациозные,
спокойные!
Искусство опустошать
эту жизнь, откуда взялся
ветер?——
Я не могу перестать
говорить о белой кости
равнины!
Я желтый лист, /
Скитаюсь в вихре .
Вспоминая о том, что
никогда не было, теперь
лысый. ;
Я был несчастной

капель воды в болоте.—

Но это высохшее тело,
также было живым
потоком воды.

Я хочу весенний ветер,
весенний ветер, который
хвастается жизнью,
Побуждая одинокий
Даги, он разбил свою
глубокую мечту ;

Я хочу упрямую лопату,
чтобы избавиться от
затора и вздутия.,
Открыв этот большой
подводный поток, он
снова бушует во
Вселенной.

С этой целью я завидую
островитянам, которые
до сих пор сохранили
древний стиль.,

В простой сельской
местности, чтобы
увидеть стародедовское
общество изящиный,
чистый, сильный ;

Я боялся не молиться о
тяжелом свете древнего
государства, но в то же
время я хотел——

Пусть восточная заря
навек сохранит
красоту фусана!

Сибирь
(эссе)

Приезжая в незнакомое место, человек всегда привозит с собой свои представления о нем. Иногда – страхи. Как бы сильно нам не хотелось думать о смерти, но даже готовясь к отбытию в ее владения – нам свойственна все та же черта. Несмотря на появившиеся у людей в последние годы возможности путешествовать, само слово «Сибирь» по-прежнему вызывает у многих ассоциации с краем запустения. Добавьте к этому слухи и пересуды, преувеличения и клевету, столь свойственные заграничным газетам, и в результате – для обычного человека этот многострадальный путь уже подспудно несет на себе печать страха. Смею вас заверить – все эти предубеждения безосновательны. Путешествие по транссибирской магистрали (и я говорю об этом по личному опыту) ничуть не страшнее и не проблемней привычных мне по Китаю маршрутов. Пятничный поезд Чита-Москва (и каждую среду – из Москвы в Читу) хоть и идет 7 (а то и все 8) суток, но всегда приходит по расписанию, что для Китая – редкость. Путь из Пекина до Маньчжурии, а после – из Маньчжурии до Читы можно без проблем преодолеть поездом второго класса. Однако во всем, что касается недельной поездки от Читы до Москвы – настоятельно рекомендую вам не экономить на билетах (на деле, это не потребует от вас значительных денежных средств). Международные поезда действительно комфортабельны – говорят, в довоенное время в них даже можно было принять душ. Куда уж там нашим поездом! Длительная поездка может кого угодно довести до изнеможения, особенно тех, кого легко укачивает (к таковым, по несчастью, принадлежит ваш покорный слуга). Поэтому везде, где дополнительные траты могут помочь, ни к чему тяготиться – смело прибегните к ним! К тому же, если вы садитесь на международный поезд, вашими попутчиками почти наверняка будут представительные европейцы (по преимуществу: французы, немцы и англичане) или американцы.

Конечно, если вы хотите посмотреть на жизнь простых русских – никто не запрещает вам взять билет на поезд обычного класса. Там нет разделения на женские и мужские места, всегда царит веселье, и нередко увидишь детей. Купе обыкновенно рассчитано на четырех пассажиров и помимо багажных мест в них вас ожидает немало сюрпризов. Если не быть голословным: фаянсовые умывальники, маленькие деревянные табуретки, индивидуальные аптечки, кастрюли и кофейник, алкоголь и халаты, соски и игрушки, а также – бессчетное множество газет. Из менее приятных неожиданностей: арахисовая и подсолнечная шелуха, мокрота, кожура, скорлупа и крошки. Не поддаются беглому описанию и запахи в вагоне. Хотя вы, должно быть, сможете их дофантазировать. Не буду кривить душой – несколько раз я был на грани того, чтобы сойти с поезда. Однако русским все было нипочем: в неизменно-густом дыме (стоит ли говорить – что все пассажиры – курят?) кто мог петь – пели, кто мог шутить – шутили, остальные либо пытались читать, либо мирно дремали. В это время за подмерзшим стеклом в стилом тумане проносилась огромная ледяная пустыня – белоснежная пустота без единого звука. Порой, среди нескончаемого леса можно было разглядеть деревянные домишки, с исчезающими над ними следами дыма – достаточное свидетельство, что в мире нет безнадежно заброшенных мест.

Каждый поезд был оснащен вагоном-рестораном, но никакой роскоши от него ждать не приходилось; особо экономные и вовсе предпочитали дожидаться остановки, чтобы закупиться на вокзале чем-нибудь съестным. Поезда подобного рода предполагали так же один или пару буфетов (если их не было – то это просто были бабушки с корзинками) под продажу всякой-всячины, к коей относились: копченая рыба, хлеб, молоко, сырые яйца, яблоки – все это было, обыкновенно, в наличии. Не стоит забывать, что в пути я был третьего месяца, и все вокруг еще было прочно

похоронено под снегом – наверное, в более теплое время года и продуктов было бы несравненно больше.

Как-то раз, пока я шел по вагону, меня предостерег чей-то голос:

«В Советах много запретных тем – будь осторожен. Вот в прошлый раз, компания американцев за обедом позвала официанта «Бой!» (надо было – «товарищ»), так их буквально выпнули с поезда – и только в путь. Уж не знаю – где и как они теперь. Так что ты это, давай там – поосторожней».

Мне трудно судить насколько правдива была эта история – не то чтобы у меня осталось желание пойти и проверить. Тем не менее, такая расправа всего лишь за одно неподобающее слово – звучало не очень правдоподобно. И все-таки: в купе я не поднимал политических тем или – чего хуже – революционных. Свои наблюдения по ходу пути я обсуждал как бы сам с собой. В вагоне-ресторане как раз было несколько таких «товарищей» – все они были довольно молоды. Один из них действительно был не больно тактичен: официанта он подзывал, словно отдавал указ подчиненному, да еще и щурился при этом как-то недобро, властно тыча своим дрожащим от гнева пальцем, в то время как с языка скатывались металлические господские нотки презрения. Его приказы грохотом прокатывались по всему помещению. Он был среднего телосложения, статный, с широкой грудью, в обычной голубой униформе, с белыми лоскутами на рукавах. Походка порывистая, но крепкая. Однако самой примечательной деталью его внешности была голова: овальный поднос лица, на который с двух сторон были набрызганы короткие вьющиеся волосы. В глазах же гнездилась небывалая уверенность в своем превосходстве. Высокий лоб так же подчеркивал эту «авторитетность». Стоило ему пройти мимо – и весь твой дух словно съезжился изнутри. И уж поверьте: он приходил никак не возлюбить ближнего своего (кажется мне, что чуть более трусоватые люди, увидев его, миг покрывались холодной испариной!). Почему-то в его руке все: от вилки до стакана – превращалось в ледяной меч и принималось рассекать пространство с пугающей остротой. Не спрашивайте – я не знаю как тут бороться со страхом «обморожения». Да и вряд ли бы он сам стал более снисходителен к вам при любом раскладе. На его выпуклом лице мне не доводилось видеть улыбки – я даже пробовал украдкой строить ему рожи и складывать всяческие забавные жесты руками, чтобы вызвать к жизни хотя бы признаки добродушия, но все без толку. Лицо его прочно покрылось сибирским настом. Что особенно интересно – этот ледяной дух находил на него не только в присутствии незнакомцев. В общении со своими товарищами (мне удалось подглядеть) он был не менее суров. Но и это еще не все. Окончательно приводил в смятение людей даже не он или не столько он и не столько его внешний вид, сколько эта вечно ему сопутствующая самокрутка, ловко закушенная в уголке рта. Она не покидала своей излюбленной позиции между зубами ни во время приема пищи, ни во время разговоров. Создавалось ощущение, что выпусти он ее – и вся злоба, ненависть, ярость и кто знает что еще – в единый миг вырвутся наружу! Постепенно я привык к его виду. Привык настолько, что даже дал ему кличку: «Наполеон вагон-ресторана». Мой попутчик из Италии был в восторге – по его мнению это прозвище идеально подходило его выправке и решительности. Особенно, все что касалось тех жиденьких кудрявеньких волос, упомянутых выше. Иногда, он угрюмо стоял в стороне и, хмуря брови, зачем-то прикладывал руку к груди – ну кто бы не увидел тут сходства со знаменитым полководцем!

Мой личный опыт показал: в Сибири просто мало людей, но ничуть не пустынно. Местный пейзаж сам по себе – достопримечательность. Он ничуть не монотонен: я до сих пор не могу забыть берег Байкала и леса Урала. В морозный день стекляннo-чистый воздух становится ослепительной призмой. Помножьте это на простор

необозримых снежных полей и присущее им свойство распространять свет – поверьте, вашим глазам будет буквально некуда деться от яркого света! Нам, привыкшим к душным городам, такое пиршество кислорода будет в новинку. Если мне доведется еще раз проехать этой дорогой – я уж точно не буду отсиживаться в поезде во время остановок. Неважно сколько градусов ниже нуля будет снаружи – выйти, позволить ледяному сибирскому воздуху острой бритвой поскрести застоялые легкие – вот оно, подлинное счастье. Усталое тело получит лучшее из возможных крещение; истощенный дух – новый вызов; отвыкшие мускулы – стимул; воля – закалку; жизнь – долготу.

Проезжая сибирской дорогой, помни – лучше пожертвовать ужином, но не пропустить заката. На закате снег рассыпается самыми трогательными и нежными цветами, особенно – в моменты, когда сумеречное солнце начинает медленно проваливаться за обод сибирского горизонта. Самый привычный оттенок здесь – серебристо-алый, но случается и лицезреть, как утиная желтизна приносит мерцающую туманную зелень ореола. Четыре года назад, когда я впервые побывал в Швейцарии – я обнаружил как иллюзорно-чарующе оказывается блестят снега. И признаться честно – в Сибири они даже лучше. Просто попробуйте представить: вечерний ветер что есть сил переворачивает исполинские страницы равнинных снегов, мелодично звенят хрустальные деревья и на всех – висят длинные разноцветные ленты. То ли сон, то ли явь... Так прими же спокойно и то, и другое.

Но сейчас не время пересказывать все мои впечатления от увиденного – слишком уж это утомительно. Знали бы вы – какую боль, какие страдания могут причинить внезапно вызванные к жизни воспоминания – их слепящая глаз свежесть, обжигающий облик. То же, что запомнилось смутно – впоследствии напротив расцветает обманчивыми красками ума. Однако, и это не то, что ищет в моем очерке большинство из вас, ведь верно? Сдается мне, у меня на вооружении остается единственный способ.

Все написанное выше – пускай пребывает теперь в неприкосновенности.

Признаться, я бы и рад сэкономить на описаниях, но так уж у меня получается – только начну, и все идет наперекосяк. Ни в чем нет порядка – одни обрывки. Вот и эти заметки – мало того, что сделаны в поезде на скорую руку, так ведь еще и на английском от руки – так, что половины букв мне и самому теперь не разобрать.

Что ж, попробую обобщить свои соображения в виде списка. Будет нелегко, но попробовать стоит.

1) Сибирь ничуть не дурна: небо там голубое, а солнце – ясное. Белизна – сколько видят глаза, из нее торчат невысокие (практически – столь же белые) деревца и пучки редкой травы. Изредка – пара разобщенных домишек.

2) Буквально только что мы проехали одну из станций – вышел из вагона, прогулялся. Довольно тепло. Одна махонькая девочка (лет десяти, не больше) продала нам бутылку свежего молока. Умные голубые глаза, белая гладкая чистая кожа (вид у нее был вполне опрятный) и пронизывающе-светлые черты лица. Обувь на ее ногах, правда, была совсем не по размеру – создавалось чувство, что стоит она, напялив себе на ноги двух огромных желтых рыб, а кофта у нее – и того причудливей. Друг мой дал ей монетку в 50 копеек серебром. Глазенки ее забегали, она взяла и принялась пристально изучать и рассматривать. Чуть погодя, она спросила: Настоящая? (видно, боялась, что мы подсовываем ей фальшивку). «Бери-бери – как есть настоящая!» – сказал кто-то сбоку (на железнодорожных станциях в России почему-то всегда много зевак). Девочка робко улыбнулась, быстро сунула денежку в карман, дала еще кому-то

бутылку молока, вновь мельком посмотрела на нас, обернулась и шустро засеменила прочь.

3) Чем больше времени я провожу в России, тем понятнее мне становятся тяготы местной жизни. Сегодня на вокзале в Чите наблюдал следующую картину: мальчонки – совсем еще малыши – в обносках (оборванные, обтрепанные все) – с трехлетнего возраста только и заняты тем, что попрошайничают. Навскидку я бы не дал им сейчас больше шести лет от роду. При этом, они попрошайничают совсем не так, как вы могли бы подумать – не слезно просят прохожих смилостивиться. Они так протягивают свою ручонку, что будь уверен – без пригоршни твоих монет обратно они ее не приберут ни в коем разе. Видеть таких можно не только на перроне, но и в станционном ресторане. И ладно бы среди них были одни только малыши – подростков да и постарше тоже хоть отбавляй. Вот они, все как один – облокотились на перила возле едоков и все в рот смотрят – каждую ложку супа провожают, ни на секунду глаз не отводят – так и впились бы в ломоть хлеба! Язык не поворачивается назвать их озлобленными. Какое-то извечное несчастье, казалось, незримо сопровождает их, гложет их изнутри и не дает вести нормальной жизни – какая-то туманная тайна, мне недоступная и неведомая. Смотря на их лица, я невольно задаюсь вопросом – знаком ли здешний народ с тем, как улыбаться? Нет, усмехаться они определенно могут – особенно, если приладутся как следует к водке – но этот их смех уже не настоящий. Эта вовсе не та радость, которую завещал нам Господь. Народ Сибири... не стану обзывать его ограниченным или кому-то подчиненным – скорее всего, таков его первобытный путь. Его жребий – всю жизнь носить эти черные шерстяные кофты, войлочные башмаки, перетаскивать тело в работе – что как ни голод принуждает его к такому существованию? Эх, да что тут, право, говорить...

4) Приехали в Иркутск. Состав ненадолго встал, и все сошли с поезда погулять. Рано начало темнеть. Весь свет на станции умещался теперь в несколько масляных фонарей. Сперва мы хотели отойти от станции и прогуляться вовне, но по итогу – лишь еле-как смогли нащупать путь в зал ожидания. В этой сумеречной атмосфере не было ни малейшего шанса опознать человека – люди вокруг смешались в сплошную черную массу. Эта картина, так же как и прочие, до сих пор стоит у меня перед глазами. Не берусь уже расписывать его подробно, но что-то мне подсказывает – имей возможность Данте пережить то же, что и мы в тот вечер – его Ад был бы выполнен в несколько других тонах!

Напротив, как раз оказалась лавчонка соотечественника, торговавшего тут сигаретами (сам он – родом из Шаньдуна). По его словам, за те двадцать лет, что он здесь провел, ему так и не удалось скопить денег даже на билет обратно...

5) Я все еще не могу понять русских. Разложенные на витрине той лавчонки вещи были легко узнаваемы, но вот что касается хозяина... непременная войлочная шляпа на голове и едва-пробивающаяся рыжеватая борода – вот уж действительно непостижимая душа! Тягловую лошадь или эти диковинные «сани» я еще могу уразуметь, но вот эту плотно увязанную суму или, скажем, кобуру под кнут – тут уж увольте, мое понимание заканчивается.

Ну и как прикажете мне описывать сибирский пейзаж? Кристальная, хрустально-надтреснутая атмосфера; протяжно синий небосвод – нам, привыкшим влачить свои дни в сером песке будничной рутины, все это было в новинку. Местный лес – сплошной, плотный, густой, строгий и величественный. Он сам напоминает мне некую таинственную и темную религию. Деревья здесь – все как одно нацелены вверх, строго в сердцевину небосвода. И неважно, будут ли это сахарные сосны, серебряные тополя или приземистые заросли кустарника. Тополей, все же, большинство – все они

чинно выстроились в шеренгу под знаменами мороза; их нашивки и эмблемы лучезарно сияют в студеном воздухе. Так и стоят они – непременно рядами, словно в ожидании какого-то чрезвычайно важного приказа. Сосен тоже порядком – и они также толпились довольно плотно. Невысокие и не то чтобы очень раздавленные стволы их походили на младенцев, аккуратно запеленатых заботливой зимой. Да, пожалуй, именно эти неуклонно вздымающиеся над широким заснеженным полотном леса есть символ Сибири. И шире – России.

Мимо пронеслся все тот же чарующий пейзаж. Растянутый вечер – солнце посылает нам последние косые лучи с запада, властная синь постепенно темнеет и высокомерные облака на ней уже почти не видны. Прямая взгляда во все стороны утыкается в хвойную стену: пронзительные сосны и ослепительные тополя, заручившись помощью снега, совместно создают картину просто-таки неземного умиротворения. Их безукоризненная выправка напоминает мне размноженные пагоды, смиренно обращенные к небу в молчаливой молитве. И по-прежнему – в этом бескрайнем просторе снегов – виднеются домики. Их редкие крыши то там, то здесь время от времени выглядывают из под толщи снега. Все это делает их даже более похожими на китайские, хотя здесь встречаются и желтые, и красные кирпичи.

Следов людей нет.

Округа мерно покоится в тиши и забвении – почти забвении. Всему что движется – здесь нет места. Иногда, правда, можно заметить несколько голов скотины, бредущей куда-то по белой скатерти, но и они не сгодятся за приметку жизни...

Март 1925

西伯利亚道中忆西湖秋雪庵芦色作歌

**Тростниковая песня
(вспоминая Сиху на сибирском
пути)**

我捡起一枝肥圆的芦梗，
在这秋月下的芦田；
我试一试芦笛的新声，
在月下的秋雪庵前。
这秋月是纷飞的碎玉，
芦田是神仙的别殿；
我弄一弄芦管的幽乐——
我映影在秋雪庵前。
我先吹我心中的欢喜——
清风吹露芦雪的酥胸；
我再弄我欢喜的心机——

Неохотно лучи пробивались сквозь
тьму,
над снегами полей ускользала луна.
Перед хижиной скромной тростник
подниму
и вдохну в него песни слова:

Этой осенью снег, как разбитый
фарфор,
а поля тростника, как палаты
святых —
пусть звучит моя песня среди них до
тех пор,
пока сам я стою среди них.

Я хочу, чтоб тростник пел о счастье,
о том,

芦田中见万点的飞萤。
我记起了我生平的惆怅，
中怀不禁一阵的凄迷，
笛韵中也听出了新来凄凉——
近水间有断续的蛙啼。
这时候芦雪在明月下翻舞，
我暗地思量人生的奥妙，
我正想谱一折人生的新歌，
啊，那芦笛(碎了)再不成音调！
这秋月是缤纷的碎玉，
芦田是仙家的别殿；
我弄一弄芦管的幽乐，——
我映影在秋雪庵前。
我捡起一枝肥圆的芦梗，
在这秋月下的芦田；
我试一试芦笛的新声，
在月下的秋雪庵前。

как смеются родные на юге,
вдали —
пусть же голос его полетит
светлячком
негасимым, домой полетит.

На чужбине тоску не дано утаить:
холода мне шепнут о печали
былой —
в новых нотах ушедшие скорбные
дни
поплывут над замерзшей рекой.

В ясном свете луны пляшет
призрачный снег,
и за ним моя песня летит сквозь
века.
Я поведал бы в ней, кто таков
человек,
но тростник надломился в руках...

Этой осенью снег, как разбитый
фарфор,
а поля тростника, как палаты
святых.
Среди них мой тростник не поет с
этих пор —
его голос навеки затих.

Неохотно лучи пробивались сквозь
тьму,
над снегами полей ускользала луна.
Перед хижинкой скромной тростник
подниму —
и вдохну в него песни слова.

Март 1925

再别康桥

轻轻的我走了，
正如我轻轻的来；
我轻轻的招手，
作别西天的云彩。

那河畔的金柳，
是夕阳中的新娘；
波光里的艳影，
在我的心头荡漾。

软泥上的青荇，
油油的在水底招摇；
在康河的柔波里，
我甘心做一条水草！
那榆荫下的一潭，
不是清泉，
是天上虹；
揉碎在浮藻间，
沉淀着彩虹似的梦。

寻梦？
撑一支长篙，
向青草更青处漫溯；
满载一船星辉，
在星辉斑斓里放歌。

但我不能放歌，
悄悄是别离的笙箫；
夏虫也为我沉默，
沉默是今晚的康桥！

悄悄的我走了，
正如我悄悄的来；
我挥一挥衣袖，
不带走一片云彩。

Proщание с Кембриджем

Я неслышной поступью уйду,
Так же, как сюда пришел;
И рукой легонько помашу
Западному небу на прощанье.

Золотая ива у реки,
Как в закатном свадебном наряде;
И она, как в зеркале воды,
Находит в моем сердце отраженье.

Среди тины яркие цветы
Глубину ласкают стебельками.
Как хотел бы в здешнем я потоке
Травкою ничтожной плыть!

Глубокий омут под ветвями вяза
Уж не вода, а неба семицвет.
И среди водорослей лишь осколки
Опавшей на речное дно мечты.

А что мечта? С бамбуковым шестом
Идти наперерез речной траве
И наблюдая звездную ладью,
Сейчас бы петь в этом мерцанье
света!

Но я пропеть ни звука не могу,
Ведь в тишине есть нота
расставанья.
И полуночные цикады не слышны,
Весь Кембридж нынче погружен в
молчанье.

Бесшумно восвоюси удалюсь,
Как до того сумел прийти.
Рукав мой вдруг мелькнет в ночи,
И здешних облаков я не возьму.

